

Серия
«Миры Брониславы Вонсович»

Цикл
«Рикайн»

СКЕЛЕТЫ В КОРОЛЕВСКИХ ШКАФАХ
ЭРНА ШТЕРН И ДВА ЕЁ БРАКА
ВЕНДЕТТА
ЛОРИЙСКАЯ ГИДРА
ЗАВЕЩАНИЕ ИНОРА БРИНКЕРХОФА
ПРОЛЕТАЯ НАД ОРОЧЬИМИ СТЕПЯМИ
ТУМАНЫ УНАРРЫ
КОГДА УМИРАЮТ КОРОЛИ
ИСКУССТВО ОХОТЫ НА БЛАГОРОДНУЮ ДИЧЬ
ЦВЕТОВ МАКА
ПЛАТА ЗА ОДИНОЧЕСТВО
ПЛАТА ЗА НАИВНОСТЬ
В ПАУТИНЕ ЧУЖИХ ЗАКЛИНАНИЙ
ИГРОКИ
МЯГКИЕ ЛАПКИ СУДЬБЫ
РОЗЫ НА СТЕНЕ
ДВЕ СТОРОНЫ ОТРАЖЕНИЯ
ВЫ ВСЁ ЖЖЁТЕ!

Бронислава Вонсович

МОСКВА
T8 RUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
В73

Вонсович, Б.

В73 Завещание инора Бринкерхофа / Б. Вонсович. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 254 с. — (Рикайн).

ISBN 978-5-521-90436-5

После предательства любимого жениха, Ивонна Бринкерхоф раз и навсегда решила, что замужество и личная жизнь — не для нее, и все силы отдавала учебе и выбранной профессии. Однако, неожиданное условие в завещании покойного деда заставляют девушку скоропалительно выйти замуж почти за первого встречного. Ведь от этого зависит благополучие родных и счастье любимой сестры. Но не все истории любви заканчиваются свадьбой, некоторые свадьбой только начинаются!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90436-5

© Бронислава Вонсович, текст, 2021
© Анастасия Косицына,
иллюстрация на обложке, 2021
© Ольга Васильченко,
внутренние иллюстрации, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Глава 1

Дед болел долго и тяжело. Как только ему становилось хоть немного лучше, он сразу оживлялся, вызывал к себе управляющего фабрикой и устраивал разгон, лез во все семейные дела, начинал критиковать договоры своего сына, моего отца, которому так и не удалось добиться успехов в торговле, подшучивал над Барбарой и ее нерешительным женихом. Хуже всего было, когда он начинал, по его собственному выражению, вправлять мозги мне. Деда я любила, да и его болезнь требовала относиться к нему со снисходительностью, поэтому я спокойно выслушивала многословные наставления о том, что в моем возрасте пора бы и подумать о замужестве. Мое мнение он прекрасно знал: после того как Гюнтер женился на моей же близкой подруге, этот вопрос я закрыла для себя раз и навсегда. Я не хочу, чтобы меня предавали, а значит, и замуж никогда и ни за кого не выйду. Но дед упорно твердил, что «не стоит ломать себе жизнь из-за одного засранца». Я ломать не собиралась. Ведь и одной можно прекрасно прожить — ни от кого не зависишь, ни о ком не заботишься, делаешь только то, что хочешь. Угрозы лишиться наследства вызывали у меня лишь скептическую усмешку: выбранная в Академии специализация по алхимии давала такой простор для возможности заработать, что просто дух захватывало. Нет, я дедовых денег не ждала, никогда на них не рассчитывала, а сейчас, на четвертом курсе, и не зависела от них. Постоянные подработки позволяли покупать не только подарки родным, но и довольно дорогие артефакты, необходимые

для дела. Я уже подумывала о том, не снять ли домик, где можно было бы устроить собственную лабораторию — академической пользоваться разрешали не всегда, а соседка по комнате была недовольна, если я делала заказы на общей жилплощади. Пахло, видите ли, плохо. Учитывая то, что она часами пропадала на территории, где располагались клетки с магическими животными, ее обоняние давно должно было атрофироваться. А вот, поди ж ты...

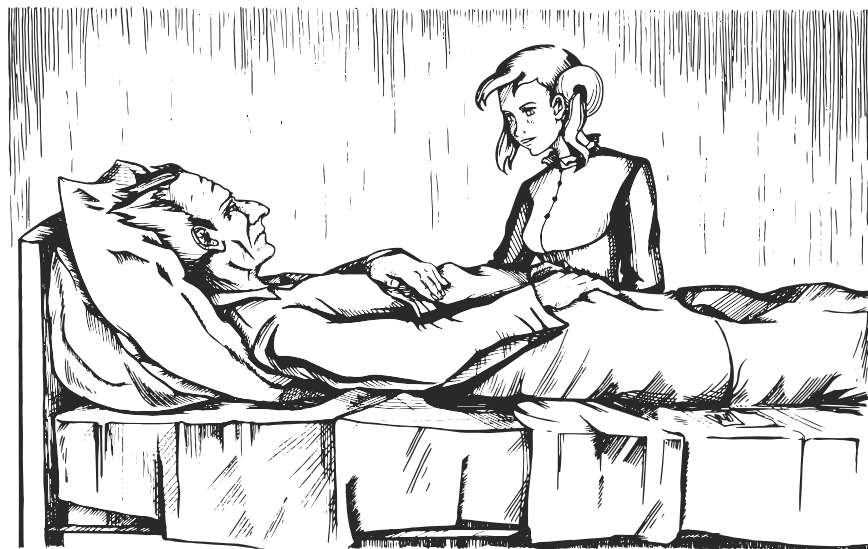
В последнюю нашу встречу дед был задумчив и немногословен, с постели уже не вставал. Мама, всхлипывая, говорила, что утешение ему приносят лишь беседы с монахами монастыря Святой Инессы, которые снимали боль не только душевную, но и телесную. Ведь своим служителям святая давала толику божественной силы, позволяющей утешать страждущих.

— Ивонна, — еле слышно прошепел дед, — если ты не выйдешь замуж, я твою долю завещаю монастырю.

— Твое право, деда, — пожала я плечами. — Ты же знаешь, это для меня неважно.

— Ты уверена? — изогнул он сухие потрескавшиеся губы в подобии улыбки.

— Уверена. Я могу прожить и без твоих денег.

— Разбаловали мы тебя, — вздохнул дед. — Вон инор Хайнрих был бы счастлив тебя видеть за своим сыном.

— Еще бы, с его косметическим производством, — насмешливо фыркнула я, с трудом вспоминая Хайнриха-младшего. Кажется, у него все лицо в веснушках. — Дедуль, тебе пора давно понять: не убедишь ты меня.

— Не стоит Гюнтер того, чтобы ты столько лет по нему сохла, — внезапно сказал он.

— Еще чего? — возмутилась я. — Я давно и думать про него забыла. Просто мне никто не нужен.

— А родители и Барбара? Они тоже не нужны?

— Ну ты сравнил. Я для вас на все готова! Вы — моя семья, но, кроме вас, мне никто не нужен, — твердо заявила я.

— Кроме нас, никто, — задумчиво сказал он. — Иди, я устал.

Он прикрыл глаза и сделал вид, что уснул. Я вышла, не желая его беспокоить. И был это наш последний разговор. Начались занятия в Академии, времени они отнимали немерено, да еще заказы пошли потоком, так что съездить к родным не получалось. Я уже думала, что до сессии не выберусь, как вдруг пришло письмо из дома, отправленное скоростной почтой. Дед умер, и меня просили приехать на похороны.

Пришли проститься с ним многие — не только соседи и друзья семьи, но и торговые партнеры, которые вели в свое время дела с ним, а теперь — с нашим управляющим, инором Тидеманом. Был там и инор Хайнрих со своим отпрыском, который всячески пытался выразить мне соболезнования. Я невольно отметила, что он выбрал крайне неудачное время, чтобы показать заинтересованность, и тут же забыла бы о нем, если бы не странная фраза:

— Инорита Ивонна, я был бы счастлив, подумай вы обо мне завтра.

Я не поняла, что он имел в виду, но быстро выбросила этот разговор из головы. В конце концов, мне было чем заняться и без азымышлений на отвлеченные темы. Весь день прошел в бестолковой суете, не дающей полностью погрузиться в переживания, а к вечеру я настолько устала, что просто провалилась в сон.

А утром огласили завещание.

— Я, Густав Бринкерхоф, находясь в здравом уме и твердой

памяти, в присутствии двух свидетелей, действуя добровольно, — монотонно зачитывал семейный нотариус, не поднимая глаз на присутствующих, — настоящим завещанием на случай моей смерти делаю следующее распоряжение. За исключением мелких выплат, список которых прилагается, все мое движимое и недвижимое имущество делится на три равные доли и передается моему сыну Отто Бринкерхофу и моим внучкам Ивонне Бринкерхоф и Барбаре Бринкерхоф в случае, если в течение года будут выполнены следующие условия. Ивонна Бринкерхоф должна вступить в брак до Барбары Бринкерхоф, причем оба эти брака должны быть заключены по всем правилам до истечения двух месяцев с момента моей смерти. Выплата долей произойдет по истечении года с момента заключения второго брака, при условии, что оба брака будут признаны действительными монастырем Святой Инессы. В случае невыполнения этих условий все мое имущество завещаю монастырю Святой Инессы, коему и надлежит проследить за исполнением моей воли. До истечения указанного срока наследующие будут получать ежемесячные выплаты, размер которых фиксирован и составляет...

Взгляды всех присутствующих скрестились на мне. Еще бы — мое отношение к браку не секрет для семьи. И теперь я стою между семьей и так необходимыми им деньгами. Своего источника дохода ни у кого из нас не было. Да что там деньги — даже любая чайная ложка в доме по закону принадлежала делу.

— Как он мог так со мной поступить? — глухо сказал отец.

— Завещание нельзя опротестовать? — неуверенно спросила я. — Ведь текст явно указывает на то, что здравый ум — это преувеличение.

— Здравость ума на момент подписания была документально подтверждена монастырем Святой Инессы, — смущенно сказал нотариус. — Поверьте, инорита, я пытался отговорить инора Бринкерхофа, но он не прислушался к моим словам. Сказал, что хоть после смерти, но будет так, как он хочет.

— Не будет, — твердо возразила я. — Я не меняю свои решения. Дед прекрасно знал, что его деньги мне не нужны.

— Иви, а как же мы? — тихо спросила мать. — А Барбара? Родители Юргена никогда не согласятся, чтобы он женился на бесприданнице.

Сестренка, только сейчас осознав угрозу собственному счастью, громко, с подвываниями, зарыдала. Я растерянно оглядывала родных и ни в ком не видела поддержки. Во всех направленных на меня взглядах было лишь осуждение. Даже нотариус укоризненно покачал головой.

— Инорита, подумайте о близких, — сказал он. — Неужели вы действительно хотите, чтобы из-за вашего эгоизма вашу семью выгнали из этого дома?

— И что вы предлагаете? — язвительно спросила я. — Выбежать на улицу и выйти замуж за первого встречного?

— Зачем же? — невозмутимо ответил он. — Два месяца — достаточный срок, чтобы определиться, с кем вы хотите вступить в брак.

— Что помешает монастырю не признать потом наши браки?

— Инор Бринкерхоф записал пункты, по которым это будет определяться.

— Надеюсь, детей там нет, — нервно сказала я. — За такой срок они могут и не появиться.

— Детей нет, — подтвердил нотариус. — Но обязательное совместное проживание в течение года есть, так что на фиктивный брак не рассчитывайте.

— Иви, Клаус Хайнрих хоть завтра на тебе женится, — оживилась сестра, сбив меня с какой-то важной мысли. Слезы ее уже высохли, и глазки заблестели. — Я знаю, его отец с дедом об этом говорили незадолго до дедовой смерти.

Я вспомнила вчерашние слова рыжего Клауса и разозлилась. Похоже, содержание завещания ему известно. Возможно, именно инор Хайнрих и подговорил внести этот пункт. Я тут же устыдилась своих мыслей. Уж кому, как не мне, знать, что на деда никто не мог повлиять и такое глупое условие его заставило написать отнюдь не чужое влияние, а упертость и убежденность в собственной правоте. И еще уверенность, что ради семьи я нарушу свои принципы.

Видя мою нерешительность, отец предложил послать за Хайнрихами и сразу определить дату свадьбы. Мои слабые протесты полностью потонули в хоре обрадованных родственников. Особенно усердствовала Барбара. Она обнимала меня за шею и, тыкаясь прямо в ухо, постоянно повторяла: «Иви, ты ведь сделаешь это для меня, правда?» И у меня просто не хватило духу сказать им

твердое «нет».

Оба Хайнриха, и отец, и сын, выглядели полностью довольными решением нашей семьи. Инора Хайнриха устраивали и те деньги, которые я наследовала, и те знания, что я могла бы принести в семейный бизнес, в то время как Клауса больше занимала менно я, а не те блага, что он получал от брака. Он сразу заграбастал мою руку, как бы утверждая право собственности, и забрать ее уже не представлялось возможным. Его рука, широкая, покрытая густым рыжим волосом, напоминала какого-то диковинного насекомого. Мне вдруг на миг представились эти мохнатые пауки, бегающие по моему телу, и к горлу подкатила тошнота. Не слишком ли велика жертва, которую требуют от меня родные?

— Так что? — пробасил Хайнрих-старший. — Через неделю устраивать свадьбу уже прилично.

— Нет! — испуганно вскрикнула я. — Это слишком быстро! У нас траур. Мы дедушку только похоронили, а уже планируем праздник.

— Ваш дед, инорита, этого сам хотел. Мы поступаем по его воле. А свадьбу можно устроить скромную, только для близких родственников. Это траур не нарушит.

— Я через неделю не могу: у меня начинается сессия.

— Иви, какая сессия? — недоуменно сказала мама. — Тебе в академию возвращаться не надо: по условиям завещания ты должна будешь жить с Клаусом, а значит, ни о какой учебе и речи быть не может.

— Мне осталось всего полтора года, как я брошу? — возмутилась я. — Нет, я хочу получить диплом. Имею полное право.

Хайнрихи переглянулись. Похоже, этот вариант им в голову приходил и они его обсудили.

— Ивонна, дорогая, вы же можете взять на год академический отпуск, — внес предложение старший.

Брак с рыжим Клаусом нравился мне все меньше. Сначала выхожу за него замуж и получаю волосатых пауков. Потом расстаюсь с академией, как бы временно. Но кто мне даст туда вернуться? За год-то многое может случиться. И первым пунктом в списке Хайнрихов наверняка стоит моя незапланированная беременность. То есть это для меня она незапланированная, а для них очень даже. Для их фабрики моих знаний и умений хватит и тех, что есть.